

Л. Н. Голайденко

КАТЕГОРИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Категория представления рассматривается как структурно-семантическая категория в современном русском языке. Дается определение структурно-семантической категории представления. Описываются разноразличные языковые средства выражения семантики представления.

Ключевые слова: *структурно-семантическая категория представления в современном русском языке, лексические и фразеологические, морфологические и синтаксические средства выражения категории представления.*

Традиционно выделяемые в философии и психологии формы познания действительности – чувственные и абстрактные – организованы по принципу оппозиции ощущения/восприятия и понятия.

Промежуточное положение между ними занимает представление – наглядно-чувственный образ воспоминания/воображения, возникающий в сознании в результате переработки прошлого опыта человека, его ощущений и восприятий.

Представление обнаруживает сходства и различия как с восприятием, так и с понятием. Чувственно-предметная природа представления сближает его с восприятием, но представление отличается от восприятия тем, что оперирует воспроизведенными в памяти или воображении образами без непосредственного воздействия предметов и явлений действительности на органы чувств. Кроме того, представление по отношению к восприятию более абстрактно в силу того, что включает в себе элементы анализа и синтеза. Оно поднимается над непосредственной данностью единичных объектов и связывает их с понятием. Однако понятие не наглядно, в нем раскрываются существенные стороны предмета или явления в их взаимосвязи.

Тот факт, что представление совмещает в себе свойства восприятия и понятия, приводит к неоднозначному пониманию места представления в системе других форм отражения действительности.

Так, некоторые философы (Г. С. Сеидов), отмечая обобщенный характер представления, относят его к области чувственного познания, объединяя ощущения, восприятия и представления в одну группу, и не допускают мысли о переходном характере представления.

Мы же, вслед за известными отечественными психологами С. Л. Рубинштейном, Б. Г. Ананьевым, Л. С. Выготским, считаем, что представление – переходная ступень от восприятия к понятию, среднее звено между ними.

Своеобразный синкретизм признаков собственно чувственных и собственно абстрактных категорий, а также своеобразная двуплановость, то есть

отнесенность как в план прошлого (воспоминание), так и в план будущего (воображение), обуславливают подвижность представления в ряду других форм отражения объективного мира и, хотя и размывают границы данного наглядно-чувственного образа, не лишают его статуса относительно самостоятельной и равноправной философско-психологической категории.

Основным признаком процесса представления в той или иной практической деятельности является переработка данных восприятия, которая осуществляется во взаимодействии первой и второй сигнальных систем. Вторая сигнальная система, взаимодействуя с первой, определяет и конкретизирует представление. Абстракция и мышление уточняют и уясняют отражение природы в сознании человека. И важную роль в росте обобщенного характера представления, по мнению Б. Г. Ананьева, играет вербализация, «словесная форма, в которую облекается и в которой фиксируется представление». Функцию вербализации выполняет «значение слова в системе словарного состава общенародного языка, а не знак в отрыве от значения» [1]. В. В. Бабайцева подчеркивает, что «участие языка не только в оформлении, но и в формировании мысли позволяет сделать логический вывод о том, что и первые этапы в образовании мысли <...>, переработка в сознании содержания наглядно-чувственного материала не свободны от языковых средств» [2, с. 142].

Этим обуславливается исследовательский интерес к представлению со стороны ученых-философов, логиков, психологов, культурологов, психолингвистов, лингвистов.

В философии представление рассматривается как одна из форм познания действительности, в логике – как компонент логической структуры мысли, в психологии – как продукт мыслительной деятельности человека, в концептологии и лингвокультурологии – как основа для концептуализации картины мира и репрезентации образов реальных предметов, фактов, ситуаций, явлений, событий и т. п. в языковой картине мира, в психолингвисти-

ке – как важное звено в процессе порождения речи.

В лингвистике представлению уделяется внимание в связи с изучением внутренней формы слова, семантической структуры метафоры, такой неполнознаменательной части речи, как звукоподражание. Данный наглядно-чувственный образ характеризуется как основа образования предложений разных типов, и эта особенность представления наиболее ярко выражается в специальных синтаксических конструкциях, в частности именительном представлении и инфинитиве представления.

Поскольку наглядно-чувственные образы воспоминания/воображения играют важную роль в жизни человека, в организации его внутреннего мира, речепроизводстве, семантика представления, основным средством презентации которой является соответствующая лексика, актуальна в сознании носителей русского языка так же, как семантика времени, количества, бытийности, акциональности и др.

Русский язык чутко улавливает особую пластичность, внутренний динамизм и переходный характер представления и располагает определенным набором средств выражения семантики воспоминания/воображения, которые очерчивают возможные «формы существования» данного наглядно-чувственного образа [3]. Представление в силу своей наглядно-предметной природы не может быть названо отдельным словом, но, обнаруживая явную тенденцию к вербализации, может быть описано словами и фразеологизмами, актуализировано с помощью определенных морфологических средств и категорий как компонент семантической структуры слова и предложения, представлено в семантике ряда синтаксических конструкций. Поэтому мы считаем возможным и необходимым рассматривать категорию представления как структурно-семантическую.

Под **структурно-семантической категорией представления** мы понимаем семантику воспоминания/воображения, которая выражается равноуровневыми средствами языковой системы.

Проблеме вербализации представления в целом и отдельным средствам его презентации в языке в частности посвящены работы многих отечественных ученых-лингвистов: А. А. Потебни, Е. М. Галкиной-Федорук, В. В. Бабайцевой, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой и др. Однако структурно-семантическая категория представления в современном русском языке предметом специального многоаспектного, комплексного изучения еще не была.

В данной статье мы рассмотрим равноуровневые языковые средства выражения семантики представления на материале прозаических произведений художественной литературы XIX–XXI вв.

Методом сплошной выборки из них извлечено 11 358 фрагментов, в которых описывается представление, передается, актуализируется соответствующая семантика. Обращение к художественной прозе объясняется тем, что авторы очень часто описывают представления своих героев для того, чтобы вызвать соответствующие наглядно-чувственные образы в сознании читателей и реализовать художественный замысел.

Типичным средством выражения семантики представления в русском языке является лексика. Слова со значением воспоминания/воображения выделяются нами в самостоятельную группу по отношению к лексике восприятия и интеллектуальной деятельности.

Основной массив лексики со значением представления с морфологической точки зрения составляют глаголы: *представлять, рисовать, вспоминать, помнить, напоминать, упоминать, припоминать, казаться, воображать, сниться, мерещиться, мечтать, чудиться, грезиться* и др. К ним примыкают глаголы со значением восприятия *видеть, созерцать, слышать* и др., используемые в значении глаголов представления, а также глаголы интеллектуальной деятельности *думать, соображать* и др., в значении которых актуализируется наглядно-чувственный компонент. Например: *Между этими заботами **рисовалось** ему прекрасное лицо Ольги, ее пушистые, говорящие брови и эти умные, серо-голубые глаза <...>* (И. Гончаров. Обломов); ***Вспоминаю** я тебя, старинный мой приятель! <...> **Вижу** снова твоё чахоточное зеленоватое лицо; <...> **слышу** твой слабый, ласковый голос* (И. Тургенев. Записки охотника); *Что-то неясное и ласковое **припомнилось** Захару; он совсем отчетливо **подумал**, что был когда-то мальчишкой <...>* (П. Проскурин. Судьба).

Преобладание в лексике со значением воспоминания/воображения именно глаголов свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка представление понимается прежде всего как процесс.

Чуть меньше, но все же значимо в русском языке количество существительных со значением представления: *образ, картина, представление, видение, воспоминание, память, упоминание, напоминание, припоминание, воображение, мечта, сновидение, фантазия, греза* и др. Многие из этих существительных отглагольные (*представление, воспоминание, воображение* и др.). Глагольный компонент в их грамматической семантике сближает номинативы с глаголами, подчеркивая тем самым, что представление как процесс носит деятельностный, активный, систематичный характер и как наглядно-чувственный образ тоже характеризуется внутренней динамичностью, при этом еще и моза-

ичностью, «картинностью». Ср.: *Увидеть отца стало его мечтой* (С. Городецкий. Люблю тебя одну) и *И было что-то острое, беспокойное в этом немеркнувшем представлении узкой полоски белых юбок и стройной ноги, и несознаваемым усилием воли он потушил его* (Л. Андреев. Бездна).

Движение человеческой мысли во времени – в прошлое или будущее, отраженное в представлении, проявляется и в том, что в русском языке почти от всех глаголов воспоминания/воображения образуются причастия и деепричастия с соответствующим значением и многие из них широко используются в художественной речи: *представляющийся, помнивший, вспоминающий, припоминающий, напоминающий, казавшийся, показавшийся, воображаемый* и др. и *представляя, помня, вспоминая, напоминая, упоминая, припоминая, воображая, мечтавая* и др.

Деепричастия и причастия со значением воспоминания / воображения подчеркивают прежде всего процессуальный характер представления: деепричастие называет процесс воспоминания/воображения как действие, добавочное по отношению к действию, обозначаемому основным глаголом-сказуемым, а причастие характеризует предмет с точки зрения его способности представлять или вызывать представление. Например: *Таня засмеялась, представив себе, как отец, загнав Гансовского в угол кабинета, <...>, обрушивает на его крашеную башку увесистые кулаки <...>* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого) и *О. Тарасий вопросительно оглянулся, как бы спрашивая воображаемого доктора* (Б. Зайцев. Валаам); *Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца* (В. Короленко. В дурном обществе).

Семантика воспоминания/воображения также выражается с помощью соответствующих прилагательных и наречий: *памятный, фантастический, мечтательный, сонный, иллюзорный* и др. и *памятно, фантастически, мечтательно* и др. Наиболее точно и полно семантику представления, на наш взгляд, передают прилагательные *памятный, фантастический, мечтательный* и наречия *памятно, фантастически, мечтательно*. Использование слов данных частей речи в художественных произведениях помогает сфокусировать внимание на самом объекте воспоминания/воображения, актуализировать чувственно-предметную основу представления, дать ему эмоционально-оценочную характеристику: *Подошли корнет фон Мекке и неразлучный с ним веснушчатый юноша с большими светлыми, мечтательными глазами <...>* (А. Толстой. Хожение по мукам); *Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их на попа, чтоб удивиться, и не удивился* (В. Шукшин. Чудик).

Обращают на себя внимание грамматические категории и грамматические формы слов со значением воспоминания/воображения, обусловленные частеречной принадлежностью последних.

Так, например, весьма показательна грамматическая категория времени глагола, причем любого, независимо от принадлежности к ЛСП представления. Форма прошедшего времени относит описываемый наглядно-чувственный образ к прошлому, к воспоминанию, «проявляя» связь представления с восприятием. Форма будущего времени, наоборот, переводит описание наглядно-чувственного образа в план будущего, в область воображения, приближая представление к понятию. Ср.: *Как-то один наш родственник приехал из города, куда гонял продавать свиней <...>* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура) и *А чуть позже он позвонит в дверь. Они, конечно, выведут девчушку лет пяти. Смешную. Глаза, как вишни. И он вручит ей спасенного котенка, и радость будет – до потолка* (И. Савельев. Как вариант).

Интересно также употребление отглагольных существительных со значением представления в форме множественного числа. Будучи синтаксическим дериватом глагола, такое существительное является абстрактным и в форме единственного числа чаще всего номинирует представление как процесс. Форма множественного числа конкретизирует значение отглагольного существительного и актуализирует предметный компонент в его грамматической семантике. Существительное со значением представления в форме множественного числа называет не процесс воспоминания/воображения, а результаты этого процесса – наглядно-чувственные образы. Ср., например: *Мало что могло по-настоящему вывести его из себя, но упрек в упрямстве с упоминанием Горбатого при неизменном бабушкином «Я тебе говорила» доводил его до белого каления* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом) и *Обвеянный своими видениями, окутанный вуалью поэзии, он сохранился ребенком <...>* (М. Пришвин. Фацелия).

Значимо в художественном тексте употребление прилагательных со значением представления в краткой форме или в форме одной из степеней сравнения: *<...> Мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда* (А. Горький. Мои университеты); *Еще памятнее в уме моем летние дни в саду* (Б. Садовской. Черты из жизни моей); *Заведующий районо, не скрывая радостной улыбки, позвонил директору школы, расписывая меня самыми фантастическими красками* (Б. Окуджава. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова).

Общеизвестно, что полное прилагательное обозначает постоянный предикативный признак пред-

мета речи, а краткое – временный (*Он больной. – Он болен.*). При этом, на наш взгляд, в художественном контексте при использовании прилагательного в краткой форме наблюдается приращение смысла. Так, краткая форма *памятен(-а, -о, -ы)* обозначает не столько временный, сколько актуальный во времени предикативный признак: вспоминаемый предмет особенно важен в конкретной ситуации, он выделяется говорящим как значимый в связи с каким-то событием в прошлом; именно актуальностью данное воспоминание отличается от подобных воспоминаний в другие периоды жизни; причем актуальность объекта воспоминания определяется актуальностью того события, с которым это воспоминание связано.

Безусловно, простая форма сравнительной степени прилагательного позволяет вычленить объект воспоминания из ряда других, подобных объектов как отличный от них по степени важности, поэтому запомнившийся лучше и воспроизводимый в сознании чаще, постоянно. Сложная же форма превосходной степени прилагательного актуализирует называемый этим прилагательным признак как проявляющийся в предмете описания в наивысшей степени по сравнению с другими предметами. *Самый фантастический* – «самый волшебный, самый причудливый, самый невероятный, самый удивительный».

Совершенно очевидно, что морфологический статус слов со значением представления, их грамматические признаки значительно обогащают семантику воспоминания/воображения и способствуют уточнению, конкретизации описываемого наглядно-чувственного образа, «прояснению» его особенностей.

Структурно организуя целостные отрывки художественного текста, лексика со значением представления не только сигнализирует о том, что перед читателем описание именно наглядно-чувственного образа воспоминания/воображения, но и подчеркивает специфику этого образа. Например: *Страшный сон приснился Раскольникову. Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, со своим отцом за городом. Время серенькое, день удушливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти его она гораздо более наладилась, чем представлялась во сне* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

Арсенал языковых средств выражения семантики представления не ограничивается только соответствующей лексикой. В современном русском языке, по данным словарей, функционирует 50 фразеологизмов (фразеологических моделей) со значением воспоминания/воображения: *вставать перед глазами, засесть в голову, звучать в ушах, не идти с ума, игра воображения, как во сне, розовые*

мечты, витать в облаках и др. [4]. При этом большинство фразеологических моделей имеет от одного до трех вариантов (*перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)*).

Функционирование фразеологизмов со значением представления в художественной речи вызывает особый интерес, поскольку именно в ней фразеологическая формула «оживает», наполняется новым эстетическим содержанием и превращается в специфическое изобразительно-выразительное средство. Например: *«Вы невежа, милостивый государь!» – беспрестанно раздражающе звучало у меня в ушах* (Л. Толстой. Юность).

Пристального внимания заслуживают русские пословицы, в которых используются слова со значением представления. Во-первых, эти пословицы не употребляются в художественных текстах. Во-вторых, их очень мало (48). В-третьих, лексика с семантикой изучаемого нами наглядно-чувственного образа представлена в русских пословицах не в полном объеме, а только отдельными лексическими единицами, весьма избирательно: *помнить, поминать, вспоминать, казаться, воображать, видеть (во сне), грезиться (во сне), бредиться (во сне), память, сон (во сне), памятливы*.

Во всех пословицах употребляются слова и словосочетания со значением или воспоминания, или воображения. Это объясняется конкретным характером паремий, призванных в лаконичной и всем понятной форме донести нравоучительное содержание. Например: *Первая любовь навек помнится. Поздно щуче на сковороде вспоминать о воде. Дали память, что до новых веников не забудет. Не столько соображает, сколько воображает. Кот Евстафий покался, постригся, посихмился, а все мышей во сне видит*. Лексические и фразеологические единицы со значением представления принципиально важны при выявлении в художественном произведении синтаксических средств выражения семантики воспоминания/воображения – предложений, в рамках которых эта семантика вербализуется без опоры на слова и сочетания слов со значением представления как структурно-семантические компоненты этих предложений, но благодаря художественному контексту, функциональной и структурно-семантической специфике самих синтаксических конструкций – конструкций с актуализированной наглядно-чувственной основой.

Непосредственно предназначаются для формирования наглядно-чувственных картин воспоминания/воображения именительный представления и инфинитив представления, разное морфологическое выражение которых «высвечивает» специфику наглядно-чувственного образа, который должен возникнуть в сознании читателя после называния соответствующего предмета речи.

Именительный представления, включая в свой состав существительное в форме именительного падежа с общим грамматическим значением предметности, называет предмет речи с целью вызвать представление о нем. Хотя последнее – «невербализованный образ, но в именительном представлении слово-понятие связывает чувственную ступень познания действительности с логической» [2, с. 407]. Например: *Особенно им нравилось слушать про клады. Клад! Ну, конечно, он был и у них в горе. Гора за домом, а в ней – пещера* (С. Чураева. Ниже неба).

Инфинитив представления, имея в своей основе инфинитив – глагольную форму с общим грамматическим значением процессуальности, называет предмет речи для того, чтобы вызвать в сознании читателя представление об определенном действии. «Как и именительный представления, инфинитив представления выражает ситуацию медитации, размышления» [2, с. 300]. Для инфинитива представления характерна богатейшая семантика, в языковом компоненте которой «совмещаются глагольные и субстантивные семы, а в речевом – коммуникативно значимые лексические значения» [5, с. 171]. Например: – *Мы устроим тебе побег. Костярин оторопел, а потом расхохотался <...>. – Убежать от Лодыгина! Ха! Святая простота! Они думают, что автобусная остановка не под контролем <...>* (И. Савельев. Гнать, держать, терпеть и видеть).

Как отмечает В. В. Бабайцева, именительный представления и инфинитив представления – уникальные разновидности односоставных предложений, вызывающие «в сознании неограниченное количество субъективных образов и ассоциаций» [5, с. 163].

Наряду с именительным представления и инфинитивом представления, которые выступают в качестве специальных, типичных синтаксических средств выражения семантики воспоминания/воображения, в русском языке имеется ряд предложений, которые в речи первично выполняют функцию, вытекающую из их общего грамматического значения; выражение же семантики представления сопутствует основной функции данных синтаксических конструкций, а сам наглядно-чувственный образ входит в их семантическую структуру как один из дополнительных компонентов, актуализируемых художественным контекстом.

К таким синтаксическим конструкциям мы относим предложения со значением оценки, предложения с союзом *если бы (б)* и междометные предложения.

О способности предложения со значением оценки выражать семантику представления можно говорить постольку, поскольку предмет оценки мо-

жет быть отражен в сознании персонажа в виде наглядно-чувственного образа воспоминания/воображения: *«Глупая женщина!» – думал я, глядя на небо, усыпанное яркими звездами* (А. Чехов. Шампанское); *А сколько дел!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени); *А как Ляля кофе варила!* (Т. Толстая. Кысь); *Как было грустно мне и моей сестрице!* (С. Аксаков. Детские годы Багрова-внука); – *Ужасно! – говорил Нехлюдов, выходя в приемную с адвокатом, <...>. – В самом очевидном деле они придираются к форме и отказывают* (Л. Толстой. Воскресение); *Это было здорово! Блестящая крышка убиралась вниз <...>* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом).

О выражении междометным предложением семантики представления тоже нужно говорить в самом широком смысле: междометные предложения обобщенно выражают экспрессивную реакцию человека на явления действительности и их положительную или отрицательную оценку. Так как явления действительности отражаются в сознании говорящего и в виде представлений, то можно с уверенностью утверждать, что выражение междометным предложением семантики представления – это выражение экспрессивной реакции говорящего на наглядно-чувственный образ, возникший в сознании в результате воспоминания или воображения. Например: *«Ах, ах, ах! Ааа!..» – замычал он, вспоминая все, что было* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Способность предложений с союзом *если бы (б)* выражать семантику представления обуславливается значением сослагательного наклонения, которое подчеркивает желательность осуществления для персонажа того или иного действия (состояния), которое в свою очередь реализуется в воображении героя в виде наглядно-чувственных образов-представлений: – *Как бы я счастлив был, если б он велел мне сейчас броситься в огонь!* (Л. Толстой. Война и мир); – *Ах, если б можно было ходить пешком по воде!* (И. Гончаров. Обыкновенная история); – *Если бы это случилось вчера...* (Ю. Буйда. Птица из Велуа).

Использование в художественном произведении данных синтаксических конструкций мотивируется стремлением писателя в лаконичной форме передать как бы постоянно ускользающую, неуловимую «чувственную», а потому и богатую в эмоциональном и смысловом плане информацию о наличии в сознании персонажа представления и об определенном отношении этого персонажа к наглядно-чувственному образу воспоминания/воображения.

Говоря о нетипичных синтаксических средствах выражения семантики представления, необходимо иметь в виду, что в составе таких предложений должны быть определенные грамматические маркеры, которые актуализируют наглядно-чувственный

фон высказывания. Мы относим к ним неопределенные и определительные местоимения, неопределенные наречия (*какой-то, всякий, как-нибудь* и т. п.), усилительные частицы (*какой, как* и т. п.), междометия (*ох, эге-ге* и т. п.), модальные слова в функции вводных компонентов (*возможно, вероятно* и т. п.). Например: – **Какой** страшный сон мне приснился! (Л. Петрушевская. В садах других возможностей. Глюк); **Ах, какой** это был дом! (П. Храмов. Инок); **А как они, бывало, работали!** (Ф. Абрамов. Трава-мурава. Пелагея); **Сколько** в нем было жизненных сил! (И. Стрельникова. Древо жизни); **Господи, если бы я знала!** (И. Кедрова. Девять жизней).

«Многомерность» категории представления, наличие средств ее выражения на всех уровнях языковой системы обуславливают правомерность ее многостороннего исследования в рамках структурно-семантического направления в современной русистике, которое является очередным этапом развития классического отечественного языкознания с позиций учения о переходности в системе языка и синкретизме языковых (речевых) явлений, разрабатываемого в трудах В. В. Бабайцевой.

Следование теоретическим установкам данного направления обеспечивает комплексное исследование категории представления как структурно-семантической, многоаспектное описание разноуровневых языковых средств выражения семантики представления.

Итак, наличие в современном русском языке системы разнообразных средств выражения семантики воспоминания/воображения (лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических) позволяет сделать вывод о том, что представление необходимо рассматривать как структурно-семантическую категорию. Методология структурно-семантического направления в современном языкознании позволяет сделать это системно, с учетом специфики данного наглядно-чувственного образа как переходного звена от чувственных форм познания действительности к абстрактным, его внутренней разноплановости и синкретизма, с опорой на антропоцентрический и деятельностный подходы к исследованию языковых и речевых единиц и явлений.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М.: Наука, 2001. 280 с.
2. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке: монография. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
3. Голайденко Л. Н. Средства выражения представления в художественной прозе (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Перспективы развития современного научного знания: сб. науч. тр. Чебоксары: Учебно-методический центр, 2011. С. 87–93.
4. Голайденко Л. Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 72 с.
5. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке: монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 496 с.

Голайденко Л. Н., доцент кафедры, кандидат филологических наук, доцент.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской Революции, 3, Уфа, Республика Башкортостан, Россия, 450061.

E-mail: golaydenko@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13.02.2013.

L. N. Golaydenko

THE CATEGORY OF IMAGINATION AND RECOLLECTION AS STRUCTURAL-SEMANTIC (BASED ON FICTION)

The question brought up in this article for the first time is the necessity to consider the imagination and recollection of the structural and semantic category in the modern Russian language. There is a definition to this structural-semantic category. The studied multilevel linguistic means of expressing semantics of the imagination and recollection are described, the prospects for the research are determined.

Key words: *there is a structural-semantic category of the modern Russian language; lexical and phraseological, morphological and syntactic means of expressing the imagination and recollection.*

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

Ul. Oktyabrskoy Revolyutsii, 3, Ufa, 450061, Bashkortostan, Russia.

E-mail: golaydenko@mail.ru